ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА
POLITICAL REGIONAL STUDIES

УДК 911+32.001 DOI: 10.37490/S221979310021170-0

И. Ю. Окунев[1], Г. И. Остапенко[2]
[1,2]Институт международных исследований МГИМО МИД России, г. Москва, Россия
[1]E-mail: iokunev@mgimo.ru
[2]E-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ В ГОСУДАРСТВЕ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СТОЛИЧНОСТИ

В данном исследовании авторы используют коэффициент столичности в качестве нового критерия классификации столичности, на основании которого посредством математических расчётов выделили четыре возможных типа столичности. Определённый по двум критериям: населённость трёх крупнейших городов и цефальность (множественность центров) — коэффициент столичности исчерпывающе описывает тип столичности в государствах и характеризует их пространственную организацию. Используя терминологию пространственных центр-периферийных отношений, авторы выделяют теоретические концепты «центробежных» и «центростремительных» пространственных сил. На примере кейсов столиц США (Вашингтона) и Новой Зеландии (Веллингтона) проведено принципиальное различение между микростолицами моноцентрических и полицентрических государств и рассмотрено влияние центростремительных и центробежных (соответственно) сил на пространственные отношения внутри государств в свете пути их развития. Методом пространственного автокорреляционного анализа получено подтверждение, что тип столичности пространственно и статистически (по результатам анализа уровня корреляции) не зависит от основных политических и экономических показателей. Это позволяет сделать вывод, что коэффициент столичности носит уникальный характер для поселенческой структуры конкретного государства, обуславливает внутриполитические процессы и играет значимую роль в отношениях центра и периферии.

Ключевые слова: *пространственный анализ, столица, столичность, коэффициент столичности, центробежные силы, центростремительные силы.*

Для цитирования: *Окунев И. Ю., Остапенко Г. И.* Центробежные и центростремительные силы в государстве: пространственный анализ столичности // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 3. С. 3–18. DOI: https://doi.org/10.37490/S221979310021170-0

I. Yu. Okunev[1], G. I. Ostapenko[2]
[1,2]Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia
[1]E-mail: iokunev@mgimo.ru
[2]E-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

CENTRIFUGAL AND CENTRIPETAL FORCES WITHIN A STATE: SPATIAL ANALYSIS OF CAPITAL CITIES

In this investigation, the authors use the capitalness coefficient as a new criterion for classifying capitalness. On that basis four possible types of capitalness were identified through mathematical calculations. Determined by two criteria: the population of the three largest cities and cephalality (multiplicity of centers), the capitalness coefficient exhaustively describes the type of capital city in the states and characterizes their spatial organization. Using the terminology of spatial center-periphery relations, the authors single out the theoretical concepts of "centrifugal" and "centripetal" spatial forces. The influence of centripetal and centrifugal forces on spatial relations within states is considered on the example of the capital cities of the USA (Washington) and New Zealand (Wellington) respectively. On the same basis a fundamental distinction is made between the microcapitals of monocentric and polycentric states. The method of spatial autocorrelation analysis confirms that the capitalness type does not depend on the main political and economic indicators spatially and statistically (according to the analysis of the correlation). This allows authors to conclude that the capitalness coefficient is unique for the settlement structure of a particular state, preconditions internal political processes and plays a significant role in relations between the center and the periphery.

Keywords: *spatial analysis, capital cities, capitalness, capitalness coefficient, centrifugal forces, centripetal forces.*

For citation: Okunev I. Yu., Ostapenko G. I. (2022), Centrifugal and centripetal forces within a state: spatial analysis of capital cities, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, no. 3, pp. 3–18. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.37490/S221979310021170-0

Введение. Пространственные центробежные и центростремительные силы могут применяться для описания пространственных отношений в государстве. Речь идёт о структурировании центров влияния в пространстве и попытке объяснить, как происходит этот процесс в разных традициях организации столиц.

Размещение столицы — решение сложной пространственной задачи, которая, как показывает история, не решается раз и навсегда, и требует периодического пересмотра в соответствии с мировой, региональной или национальной конъюнктурой.

Однако размещение столицы может также мыслиться не только как фактор поляризации: и внешней, и внутренней — как подсказывает логика качественного пространственного анализа [7], а как элемент, образующий структуру пространства всего государства. Поляризация — характеристика, которая показывает скорее направленность внешних и внутренних связей, в то время как структурирование описывает тенденции организации пространства: возможные пространственные компромиссы или их отсутствие («пространственный» конфликт), попытки сохранить или поддерживать цельность государства и формировать определённую идентичность.

Локация столицы важна, но мы можем предположить, что даже не само размещение города есть причина формирования пространственных тенденций. Разновидность столицы играет важную роль при структурировании пространственных отношений внутри государства. При этом тип столичности — необходимый и достаточный критерий определения тенденций организации пространственной структуры государства. Как это можно определить посредством анализа?

Цель статьи. Представляет интерес исследовательский вопрос: за счёт чего типу столичности удаётся стать необходимым и достаточным критерием определения тенденций организации пространственной структуры государства?

Наша гипотеза заключается в следующем: принципы организации центр-периферийности пространства в государстве объясняются на основе механизмов / «сил», причиной «запуска» которых является тип столичности государства. Данные «силы», как мы покажем, центростремительные и центробежные, оказывают влияние на распределение «ролей» центра и периферии и характеризуют значимость столицы в структуре государства. На основании расчётов и применения метода пространственного анализа выделяются два принципиально различных кейса, которые могли бы быть типичны в своих категориях. На сравнении Веллингтона и Вашингтона нами предпринята попытка показать разницу в пространственной организации государств и проявлении центростремительной (Вашингтон) и центробежной (Веллингтон) тенденций.

Исходные предпосылки. Столица — неотъемлемая часть политико-территориального строения государства. Её следует рассматривать как симбиоз города и политического центра. И если сущностно город — это форма социальной организации, тяготеющая к институтам [31, с. 65–89], то столичный город — это объект, который выполняет функцию институционализации пространственного размещения социальной организации.

Столица выполняет целый ряд специфических функций, не свойственных иным политическим институтам. Это символическая функция — столица является символом государства [8, с. 41]; институциональная функция — место размещения государственных органов и место локации распределения общественных благ, общественная функция — предоставление площадки для влияния общества на политические процессы. Ещё одной важной функцией является противопоставление себя другой части страны и привнесение дихотомии «центр-регионы», инициирующее процесс межрегиональной дифференциации — осуществление региональной функции. В результате реализации региональной функции в зависимости от типа столиц происходит усиление центробежных или центростремительных сил в государстве [4, с. 393–394].

Так, столица предстает не только единым политическим институтом, задающим не только политико-административное государственное устройство, но и функциональным центром, генерирующим управляющие сигналы для политических процессов на центр-периферийном уровне. Любое взаимодействие столичного города с другими населёнными пунктами государства можно рассматривать как политическую практику реализации пространственной структуры государства.

С точки зрения современной политической географии можно выделить несколько факторов, которые влияют на пространственную структуру государства:

1) размещение столицы в пространстве государства;

2) соположение столицы с другими пространственными объектами (городами, рельефом, каналами проницаемости);

3) соотношение столичного города (столицы) и других городов («не-столиц») в поселенческой структуре государства;

4) символические особенности дискурса отдельных локаций [19, с. 111–118].

В данной статье мы сосредоточимся на рассмотрении третьего фактора.

В настоящий момент не существует «единого» индекса столиц или столичности. Под индексом мы понимаем агрегированный показатель, составленный на основе статистических данных или экспертных интервью. Но говорить о создании такого индекса сложно: специфика самого явления не позволяет продвинуться в вопросе его общеразделяемой операционализации. Этому есть несколько причин.

1. Столицы практически не поддаются статистическому анализу (хотя попытки собрать пул данных о столицах предпринимаются[1]). Основные описывающие их данные (важные с географической точки зрения) представляют собой данные номинальной шкалы, которые невозможно сравнивать между собой. Многие показатели не собираются с необходимой периодичностью, что ограничивает возможность проведения лонгитюдных исследований.

2. «Комплексность» (многоаспектность) столицы. Статистика должна представлять множество разных сторон жизни столицы (типичную для города статистику вкупе с «политической», «центр-периферийной» и другими особыми).

3. Сложно подобрать совокупность индикаторов, которые бы «подходили» каждой из столиц. Характеристики глобального города, например, Лондона, не подойдёт столицам микрогосударств, а недавно учреждённые столицы во многом могут иметь сильно отличные от «старых» столиц категории показателей и характеристик.

Можно предположить, что ***классифицирование*** — наиболее естественная стратегия их изучения. Существует несколько типов классификации столиц в позитивистской традиции [3, с. 34]. Также крупный раздел этому посвящён в монографии Вадима Россмана [8, с. 42–52].

В свете вышеперечисленного наиболее продуктивным решением вопроса измерения столиц является создание не индекса, но ***коэффициента***, характеризующего часть содержания явления.

Статистический показатель, который может быть рассчитан для любой столицы — это её населённость.

Одним из первых на это как на серьёзный предмет изучения обратил внимание Марк Джефферсон [18]. Его концепция приматного города, «лица страны», имеющего лучшую инфраструктуру и превосходящего численностью жителей вдвое или втрое следующий за ним по величине город чаще всего соотносит такие приматные города со столицами государств, в т. ч. и имеющих колониальное прошлое. Приматные города играют решающую роль в национальной и мировой экономике, привлекая инвестиции и ресурсы, оставаясь также политическим и административным центрами. Однако урбанизация не всегда является генератором экономического роста, а перспективными могут быть в силу разных причин и не приматные города. Не все

[1] Stolice Państw Świata // EnviroSolutions — otwarte dane przestrzenne (GIS). (Aktualność: od Marca, 2019). (In Polish). [Capital Cities of the World // EnviroSolutions — open spatial (GIS) data. (Relevance: as at March, 2019). [Электронный ресурс]: URL: https://www.envirosolutions.pl/otwarte-dane.html (дата обращения: 10.04.2020).

страны — крупные экономики — имеют приматные столичные города: Бразилия, Германия, Индия, Канада, Китай, Соединённые Штаты, Южная Африка. В случае, если столичный город государства непропорционально велик, он является исключительным выразителем национального потенциала и национального чувства государства. Уильям Мейер отмечает, что упор на «urban primacy» начался задолго до написания его статьи [23].

В российской традиции исследования столиц одним из пионеров «позитивистского описания» столиц является Сергей Тархов [9]. Помимо изучения переносов столиц, С. Тархов создал самобытную типологию столиц. Тархов в российской традиции предпринял попытку связать «взаимозависимости» типа центральности столицы от её населённости. Его концепты гипотрофированности и гипертрофированности столиц — ещё один предвестник появления коэффициента столичности.

Крайней степенью развития приматного города может стать мегарегион [11, с. 20–21]. Однако существует терминология, характеризующая соотношение столичного города и остальных поселений. По принципу множественности центров (цефальности) — крупных населённых пунктов / узлов, мест сосредоточенности влияния — можно выделить моноцентрические и полицентрические государства.

Размер столицы имеет значение: на основе сравнения величины населённости столицы и других городов можно выделить две противоположных разновидности столиц:

1) макростолицы — крупные города, практически не уступающие (другим крупнейшим городам) или значительно превосходящие по численности населения другие города;

2) микростолицы — небольшие города, исполняющие функцию столицы, заметно уступающие по населённости и влиянию одному или нескольким городам в государстве (Далее применяется эта трактовка данного термина: другое значение он имеет в работе С. Тархова, где подразумевает столицы с населением до 30 тыс. жителей [9]).

Результаты исследования. И ранее исследователи обращали внимание на многообразие различий столиц. Столичные города ранжировались по степени доминирования; размеру поселения; соотнесённости площади столицы и столичной агломерации с площадью государства; распределённостью или концентрацией в одной столичной локации властных полномочий, политических, государственных, правовых институтов; численностью населения (людностью относительно других городов политии). Главные города государств делили на макростоличные и микростоличные в моноцентрических и полицентрических государствах.

Мы предлагаем создать систематизацию типов столичности, которая была бы способна объективно и достоверно разделять по категориям столицы по функции, влияющей на политические процессы в государстве, с учётом регулирования центр-периферийных отношений на основании коэффициента столичности, который представляет собой математически выведенный числовой показатель [3, с. 35]. Коэффициент способен быть индикатором особенностей политико-территориальной структуры государства. В основе расчётов для формулы коэффициента столичности применены данные по людности столицы и крупных городов государства. Основываясь на теории центральных мест В. Кристаллера и А. Лёша примем, что численность населения иллюстрирует рациональный выбор граждан, осуществлённый на протяжении времени в соответствии с оптимальной стратегией, и отражает суть структуры социальных процессов в конкретном государстве.

В основе методики расчётов коэффициента столичности предлагается следующий основной алгоритм. Для N самых людных городов государства с численностью P_i определяется средняя численность μ. Далее вводится численность населения С и коэффициент столичности α. За значение коэффициента столичности α принимается соотношение С к средней численности населения по N городам:

$$\alpha = \frac{C}{\mu}$$

$$\mu = \frac{1}{N}\sum_{i=1}^{N} P_i$$

В целях более корректной оценки коэффициента столичности учитывается среднеквадратичное отклонение от средней численности μ по N городам — СКО σ, которое представляет собой среднюю амплитуду отклонения от среднего значения. Окончательная формула коэффициента столичности β с учётом среднеквадратичного отклонения σ принимает вид [3, с. 36]:

$$\beta = \frac{C_\mu}{(\mu - \sigma)(\mu + \sigma)}$$

При малом среднеквадратичном отклонении от средней численности σ относительно средней численности μ, значения коэффициентов столичности α и β отличаются незначительно.

Целесообразно производить расчёты коэффициента столичности для трёх самых людных городов, что объясняется возможностью включить в статистический пространственный анализ почти все страны. Кроме того разница в людности трёх больших городов государства уже даёт характеристику особенностям расселения жителей государства.

По итогам расчёта коэффициента столичности α возможно выделение трёх типов столиц: макростолица моноцентрического государства (α в интервале значений, равном и более 1,5), макростолица полицентрического государства (α находится в интервале значений от 0,5 до 1,5), микростолица полицентрического государства (значение α в интервале значений менее 0,5). При определении ожидаемого на основании выбора двух значимых переменных четвёртого типа столичности — микростолица моноцентрического государства — были выявлены особенности, не позволившие на тех же условиях выделить четвёртый тип столичности. В результате сравнения индексов α и β обнаружено их значительное расхождение для 4 наблюдений (стран). Это Гамбия (столица — Банжул), Танзания (Додома), Мьянма (Нейпьидо) и Новая Зеландия (Веллингтон). Объясняется это тем, что в перечисленных странах существуют крупные города, существенно превосходящие как столицу, так и другие города государства по численности населения. Только они попали в IV категорию.

Страны IV типа столичности так или иначе находились под контролем Великобритании. Британское колониальное наследие в виде институциональных «надстроек» в вопросе организации центр-периферийного пространства может быть просле-

жено и в этих кейсах. Две из четырёх столиц были перенесены в новейшей истории: Додома из Дар-Эс-Салама в последней четверти XX в. и Нейпьидо из Янгона в начале XXI в. (2006 г.), одна была установлена более полутора веков назад (Веллингтон (1865 г.) [8, с. 308], а последняя (Банжул) стала столицей независимого государства только в 1965 г.

Перечислим и рассмотрим каждый из типов:

I — Макростолица моноцентрического государства (Лондон, Париж). Ближайших, сопоставимых по влиянию и населённости городов нет. Столица — крупнейший и безоговорочный «лидер».

II — Макростолица полицентрического государства (Берлин, Рим). Возможно наличие более крупных и влиятельных (в отдельных вопросах) или сопоставимых городов, чем столица, её лидерство может оспариваться. Столица — один из крупнейших городов страны.

III — Микростолица полицентрического государства (Вашингтон, Берн). Гарантированно существуют более крупные и влиятельные города, нежели столичный город. Преимущественно столица — политический центр.

IV — Микростолица моноцентрического государства (Веллингтон). Гарантированно существует более крупный и влиятельный город (один), нежели столичный город. Преимущественно столица — политический центр.

В рамках проекта «Атлас международных отношений» исследовательским коллективом МГИМО была создана база данных, характеризующая особенности развития стран мира по семидесяти показателям, используемым для описания политических, экономических, военных, социально-демографических и идейно-ценностных факторов, определяющих структуру современных международных отношений. Коэффициент столичности был выбран в качестве одного из таких показателей [6].

Необходимо было определить, является ли данный коэффициент столичности связанным с какими-то другими показателями государства. Был проведён пространственный автокорреляционный анализ по коэффициенту столичности α. Коэффициент столичности в многомерном пространстве собранных индексов показывает не отличимые статистически от нуля величины корреляции, что означает отсутствие зависимости между типом столичности и политическими, экономическими и культурными «оценками» государств. Следовательно, коэффициент обладает характерным свойством — независимостью от структуры экономик, политических режимов, геоклиматических условий, что говорит и об уникальности данной характеристики для государства. Коэффициент столичности описывает особую роль самой столичности. Тип столичности является не характеристикой собственно самого столичного города в разрезе его размеров, расположения в локации государства, функционирования, а характеризует политико-территориальное устройство страны, а также сложившуюся индивидуальную уникальную специфику взаимоотношений центра и периферии (рис.).

Следующим шагом нам видится более конкретное различение III и IV типов столичности, которые оказались практически не различимы без дополнительных расчётов. Это начинание достигается за счёт введения и рассмотрения механизмов организации центр-периферийных отношений. Такими механизмами являются центростремительные и центробежные силы.

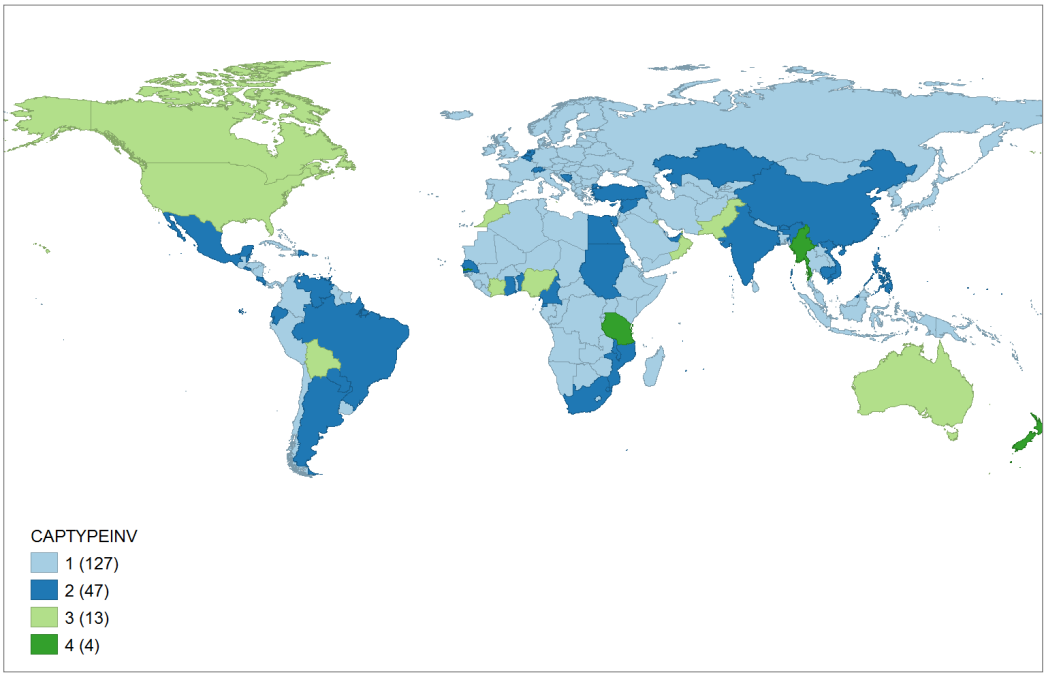

Рис. Страны мира в соответствии с их типом столичности

Fig. Countries of the world according to their capital city type

Данные определения в значительной мере сохраняют свой физический смысл, однако теперь рассматриваются в «замкнутой» динамической системе центр-периферийных отношений государства. Ключевым допущением наших построений является отсутствие / ограничение любых внешних факторов, влияющих на процессы внутри государства. Это характеризуется отсутствием пространственного влияния (в терминах количественного пространственного анализа) типов столичности. Иными словами, неверно, что близость к стране с определённым типом столичности повысит или понизит шансы соседнего государства организовать такой же или «противоположный» тип.

Центробежные силы в контексте данной работы могут быть описаны как машинерия, создающая «клубки» пространственных связей вне самых влиятельных и населённых центров. Центростремительные силы, напротив, сосредотачивают пространственные связи в наиболее влиятельных пунктах.

Матрица типологии столиц приведена в таблице [3, с. 38].

При том, что все четыре типа столичности рассчитаны из структуры расселения, они по-разному регулируют центр-периферийные отношения. Тип столичности описывает, как функционирует данный институт столичности, который может усиливать либо центробежные, либо центростремительные силы. При этом силы не связаны линейно с моноцентричностью — полицентричностью, макростоличностью — микростоличностью, а обусловлены комбинацией пересечения этих значений (характеристик) — с типом столичности.

Таблица

Типология столиц в соответствии с величинами критериев α и β с указанием основной действующей пространственной силы

Table

Typology of capitals in accordance with the values of the criteria α and β, indicating the main acting spatial force

Сила	**Моноцентрическая структура**	**Полицентрическая структура**
Макростолица	I — Макростолица моноцентрического государства (Лондон, Париж) ***Центростремительная***	II — Макростолица полицентрического государства (Берлин, Рим) ***Центробежная***
Микростолица	IV — Микростолица моноцентрического государства (Веллингтон) ***Центробежная***	III — Микростолица полицентрического государства (Вашингтон, Берн) ***Центростремительная***

При том, что все четыре типа столичности рассчитаны из структуры расселения, они по-разному регулируют центр-периферийные отношения. Тип столичности описывает, как функционирует данный институт столичности, который может усиливать либо центробежные, либо центростремительные силы. При этом силы не связаны линейно с моноцентричностью — полицентричностью, макростоличностью — микростоличностью, а обусловлены комбинацией пересечения этих значений (характеристик) — с типом столичности.

Центростремительная функция столицы означает, что она работает на большую интегрированность / унификацию политической системы государства (соответственно, центробежность — на дезинтеграцию / диверсификацию). Если бы столицей США был Нью-Йорк или Ричмонд, штаты стали бы ещё более самостоятельными и разнообразными; выбор Вашингтона был компромиссным решением размещения между большими центрами. Столица не досталась ни одному штату, тем самым, такая микростолица соединяет «разрозненные» штаты, усиливает в стране центростремительные (централизующие) тенденции.

Рассмотрим особенности центростремительной и центробежной функций столицы на примере кейсов Вашингтона и Веллингтона.

Вашингтон является мировым историческим образцом микростолиц.

Случай Вашингтона интересен как первый случай организации микростолиц, имеющий политико-философское обоснование. Вашингтон — «сочинённая федеральная столица» [22, с. 108–109] — изначально компромисс между Филадельфией и Нью-Йорком. В период складывания подходов будущей американской (США) государственности сложилось несколько точек зрения на то, как должен был быть организован аппарат государства. На политической арене того времени появился политический трактат «Федералист» («The Federalist Papers»), соответствующий федеративной позиции организации американского государства. Подход соавтора «Федералиста» Джеймса Мэдисона в параграфе 43 напрямую касается организации местопребывания Правительства, обозначенное в оригинале как «seat of government», а не как столица, но в современных подходах к столицам нам следует отождествить данные названия, как это уже начал делать в одном из своих сочине-

ний Жозеф Де Местр [22, с. 108–109]. В целях предотвращения конкуренции и зависти, подозрений в ангажированности величина федерального округа Вашингтон была определена в 10 квадратных миль, размеры территории, на которой размещаются федеральные полномочия, не будут уязвлять самолюбие локальных властей штатов [21, с. 338–340]. На территорию резиденций структур федеральной власти законы штатов не распространены.

Вашингтон, как микростолица имеет значение в том смысле, в котором любое другое универсальное место не имеет [29, с. 511; 13]. Однако, по мнению К. Норберга-Шульца [29, с. 511; 24] каждое место имеет отличительность — особенность — «genius loci» — дух и характер места, проявляющийся, в т. ч., в искусственно созданной среде.

Дух и характер места — компас в смыслах действий политических акторов. Так столичная локация влияет на последствия действий, сама, в свою очередь, являясь выдающимся результатом действий [29, с. 513]. Столичное место Вашингтона является и объяснением, и независимой переменной. Поэтому такая столица, как Вашингтон, соответствующая особенной столичной локации, чтобы быть всесторонне классифицированной, должна быть «многократно» определённой по разным критериям структуры: социально-экономической, социально-пространственной (геосоциальной), геополитической, геоэкономической, центр-периферийной, коммуникативной, пространственных эффектов [29, с. 512; 16].

Представитель консервативного течения политической философии Ж. Де Местр в работе «Размышления о Франции» представляет взгляд на «либеральный» реализованный концепт столичного города (резиденции Конгресса), отделённой от экономического центра или же столицы как исключительно политического центра — Вашингтона. Де Местр выражает скепсис, подразумевая отсутствие исторического уклада в американской политической системе, ставит вопрос об её несостоятельности и, как следствие, целесообразности столицы в виде «сочинённого» города [22, с. 108–109]. Де Местр фактически выражает сомнение в институциональной устойчивости такой столицы.

В. Россман считает возникновение национальной столицы одной из форм проявления властного института в виде локализации власти [8, с. 74]. Такая национальная столица будет легитимизирующей правительство точкой уравновешения социально-экономических и властно-политических институтов.

Разделение политического и финансового центров способствует более равномерному распределению финансовых и инвестиционных потоков по всей территории государства. Вашингтон как политическая столица балансируется Нью-Йорком — столицей экономической. В США осуществлено исторически сложившееся дифференцированное разделение столичных функций.

Вашингтон как столица не занимает главенствующей позиции в экономике и не стремится к исполнению в экономике своей страны принципиальной роли [26, с. 17]. При этом Вашингтон становится точкой сосредоточения пространственных связей. Этим обеспечен центростремительный столичный вектор. Центростремительная функция столицы Вашингтона работает на большую интегрированность, унификацию политической системы. Микростолица, соединяя разрозненные штаты, усиливает в стране централизующие тенденции.

В соответствии с «американской моделью» [10, с. 122–123] Вашингтон (округ Колумбия) не имеет статус штата, несмотря на то город является резиденцией президента и местом расположения федеральной власти: законодательной — Конгресса, исполнительной — Федерального правительства, судебной — Верховного суда. Столица существует в виде отдельного региона с пониженным статусом — федеральной территории [5, с. 155–156]. Управляется Вашингтон мэром, возглавляющим муниципальный совет. При этом конгресс США имеет верховенство власти в Вашингтоне над муниципалитетом (самоуправление Вашингтона имеет ограниченные полномочия).

Формально столичный дизайн Вашингтона выражает идеалы демократии, равенство и возможности, на которых была основана нация [12, с. 1546; 30]. Однако, на протяжении своей истории, особенно последние десятилетия Вашингтон манифестирует проблемы неравенства единственного в мире города [12, с. 1546–1547], созданного для американского и глобального политического лидерства, но не имеющего представительстве в Конгрессе [12, с. 1546–1547][2]. В дополнение к отсутствию федерального представительства жители Вашингтона — единственные граждане США, которые фактически не имеют суверенного законодательного органа. Решения, принятые гражданами Вашингтона может отменить национальный конгресс [15, с. 6].

Решением проблемы обретения конституционного права на представительство в Конгрессе и обретением подлинной государственности могут стать два варианта: создание штата Новой Колумбии из округа Колумбия, который будет особенным — полностью городским, или ретроцессия — возврат в штат Мэриленд [27, с. 89–91]. Осуществлено это может быть посредством акта Конгресса или конституционной поправки. Вероятное изменение статуса округа Колумбии будет иметь глубокие правовые, политические и экономические последствия как для региона, так и для государства вплоть до изменения локации правительства в области, включающей в себя только здание Капитолия, Белый дом, Верховный суд, и национальные памятники. Некоторые учёные склоняются к мысли о том, что подобное развитие событий обесценивает первоначальную концепцию создания микростолицы как локации правительства, независимой от влияния территориально-административного деления и федерального устройства [14, с. 83].

Веллингтон, выбранный в 1839 г. в качестве места для крупного поселения британских мигрантов в целях продвижения британской колонии в Новой Зеландии, стал столицей в 1865 г. Британский суверенитет провозглашён в Новой Зеландии в феврале 1840 г. [28, с. 83]. Первая столица Окиато (1840–1841) передала столичные полномочия Окленду, который исполнял столичные функции с 1841 по 1865 гг. [2, с. 55]. Веллингтон стал резиденцией правительства из-за его благоприятной географии, защищённой гавани и центрального расположения. Столица Новой Зеландии — Веллингтон размещён на северной стороне пролива Кука между Северным и Южным островами в «центре» страны.

Веллингтон, будучи торговым городом, устанавливал финансовые и транспортные связи, которые, однако, не могли гарантировать устойчивое развитие поселения. Определённое будущее появляется у города только после 1865 г. Либералы, пришедшие к власти в 1890 г., укрепили столицу новой политикой в сфере труда и социаль-

[2] Congressional Research Service. Constitutional Amendment District of Columbia Voting Rights. Background paper, August 1978 // Nevada Legislature (USA). [Электронный ресурс]: URL: https://www.leg.state.nv.us/Division/Research/Publications/Bkground/BP79-03.pdf (дата обращения: 12.07.2022).

ной сфере, расширив роль правительства. За первые тридцать пять лет столичной истории население Веллингтона увеличилось более чем в 7 раз[3].

Здесь, так же, как и в Вашингтоне, соблюдался принцип компромисса интересов — члены парламента не достигли соглашения о местонахождении более центральной столицы. Однако, функция столицы в кейсе Новой Зеландии — центробежная. Необходимо было «оттянуть» влияние Окленда и «сцепить» Северный и Южный острова. В 1890-е гг. Веллингтон становится финансовой столицей, куда перенесён головной офис банка Новой Зеландии [17, с. 30]. Финансовые институты понимали ценность близости к Веллингтону — центру власти и влияния колонии. Растущее население Северного острова помогло сделать Веллингтон центром национальной торговли, — порт становится самым загруженным в Новой Зеландии.

Важную роль в центробежной функции столицы играет улучшение транспортного трафика — новые дороги, в т. ч. и железная дорога, надёжно соединили столицу с её внутренними районами. Строительство дорог через хребты Ремутака к Вайрарапа расширило пути проницаемости через природные препятствия, облегчив миграцию населения и экономические потоки. Технологические инновации в конце XIX — начале XX вв. внедряются быстро, появляется канатная дорога, первые новозеландские автомобили, электрические трамваи, сельские поселения становятся окраинами Веллингтона. Локация Веллингтона увеличивает свой размер в 5 раз.

Центробежные функции Веллингтона поддерживаются, в т. ч., стратегиями роста экономики, ориентированными на коммуникационную сеть региона и его интеллектуальный и творческий потенциал. Так, всё больше компаний и головных офисов менее нуждаются в близости к центральному правительству, или крупным городским центрам, размещая коммерческий и финансовый капитал вне зависимости от близости к Веллингтонскому кластеру, состоящему из четырёх городов и одного района, который является третьим по численности населения в стране после Окленда и Кентербери.

Такое положение дел стало возможным в силу изменения управления экономикой Новой Зеландии, неолиберального сдвига в политико-экономической структуре, введения объединённых механизмов управления, отход от прямого центрального экономического руководства в регионах, развития государственно-частного партнерства [32, с. 29]. Тип столичности Веллингтона, микростолицы моноцентрического государства, формируя центробежные силы, перераспределяет роли центра и периферии. Согласованность между субъектами усиливается через новые институциональные механизмы. Ориентация на региональное экономическое развитие поддерживается инвестиционными решениями с прицелом на рост экономических результатов. Этому способствует расширение сетевых институционально-экономических договоренностей в рамках стратегии регионального роста. Центральное правительство в рамках партнёрского подхода к экономическому развитию регионов содействует реализации регионами местных возможностей, поддерживая инициативы государственными инвестициями.

Стратегическое планирование ориентирует Веллингтон на устранение фрагментированности и неоднородности институционально-делового ландшафта, повышение конкурентоспособности и продвижение региональных центров, в частности Окленда, и, как следствие, рост центробежных сил [32, с. 31].

---

[3] *Thorns D., Schrader B.* Population of the Four Main Cities, 1858–2006. City History and People — The Appeal of City Life // Te Ara — the Encyclopedia of New Zealand. [Электронный ресурс]: URL: http://www.TeAra.govt.nz/en/graph/23512/population-of-the-four-main-cities-1858-2006 (дата обращения: 10.04.2020).

Заключение. В политико-географических исследованиях всё ещё существует тенденция узко рассматривать пространство и оценивать его через призму близости, смежности, расстояния, а также в лимологическом ключе [20, с. 191].

Пространственный анализ, в частности, пространственный анализ столичности, в отличие от исследований по социологической, экономической модели рассматривает не только контекстные, но и композиционные проблемы [25, с. 32–33]. Политические же исследования обычно не учитывают контекстное окружение и пространственную среду, в которой политические процессы осуществляются. Столица трансформирует пространство вокруг себя в особую среду, которая должна являться устойчивой платформой для осуществления пространственно-субъектного столичного функционала. Полезная практика видеть влияние пространственного положения и правильно интерпретировать центробежные и центростремительные силы, возникающие в государствах как полицентрической, так и моноцентрической структуры, существенно важна для эффективного управления государственным образованием [1, с. 16].

Литература

1. *Готтман Ж.* Столичные города // Логос. 2013. Т. 23, № 4. С. 15–38.
2. *Малаховский К. В.* История Новой Зеландии. М.: Издательство «Наука», 1981. 239 с.
3. *Окунев И. Ю.* Типология столиц и коэффициент столичности государства // Региональные исследования. 2016. № 3. С. 32–39.
4. *Окунев И. Ю.* Столица как центр политико-административной структуры государства: типологии и функции // Политика развитии, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 393–394.
5. *Окунев И. Ю.* Столицы в зеркале критической геополитики. 2-е изд. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 272 с.
6. *Окунев И. Ю. и др.* Атлас международных отношений: Пространственный анализ индикаторов мирового развития. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 447 с.
7. *Рогачёв С. В.* Материалы курса «Уроки понимания карты (основы пространственного анализа)»: Лекции 1–4. Лекции 5–8. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2006. 60+56 с.
8. *Россман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 336 с.
9. *Тархов С. А.* Столицы // География. 2007. № 3. С. 27–35.
10. *Туровский Р. Ф.* Политическая регионалистика. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006. 780 с.
11. *Argenbright R.* Moscow on the Rise: From Primate City to Megaregion // Geographical Review. 2013. Vol. 103. No. 1. P. 20–36. https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2013.00184.x.
12. *Bratman E.* Development's Paradox: is Washington DC a Third World City? // Third World Quarterly. 2011. Vol. 32. No. 9. P. 1541–1556. https://doi.org/10.1080/01436597.2011.620349.
13. *Casey E. C.* The Fate of Place: A Philosophical History. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. 488 p.
14. *Cheh M. M.* Theories of Representation: For the District of Columbia, Only Statehood Will Do // William and Mary Bill of Rights Journal. 2014. Vol. 23. No. 1. P. 65–87.
15. *Garg A.* A Capital Idea: Legislation to Give the District of Columbia a Vote in the House of Representatives // Columbia Journal of Law and Social Problems. 2007. Vol. 41. No. 1. P. 1–51.
16. *Giddens A.* The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1994. 402 p.
17. *Hunt C.* Banking Crises in New Zealand — an Historical Perspective // Reserve Bank of New Zealand: Bulletin. 2009. Vol. 72, No. 4. P. 26–41.
18. *Jefferson M.* The Law of the Primate City // Geographical Review. 1939. Vol. 29. No. 2. P. 226–232. https://doi.org/10.2307/209944.
19. *Lavrenova O.* Spaces and Meanings. Semantics of the Cultural Landscapes. Cham: Springer, 2019. 216 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-15168-3.
20. *Linke A. M., O'Loughlin J.* Spatial Analysis // The Wiley Blackwell Companion to Political Geography / J. Agnew, V. Mamadouh, A. Secor, J. Sharp (eds.). Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. P. 189–205. https://doi.org/10.1002/9781118725771.ch15.

21. *Madison J.* (XLIII) The Same View Continued // The Federalist. A Commentary on the Constitution the United States. A collection of Essays, by Alexander Hamilton, Jay and Madison. Also the Continentalist and Other Papers, by Hamilton / J. C. Hamilton (ed.). Philadelphia, PA: J. B. Lippincott & Co., 1864. P. 338–348.
22. *de Maistre J.* Considerations on France. London, Montreal: McGill-Queen's University Press, 1974. 212 p.
23. *Meyer W. B.* Urban Primacy before Mark Jefferson // Geographical Review. 2019. Vol. 109. No. 1. P. 131–145. https://doi.org/10.1111/gere.12308.
24. *Norberg-Schulz C.* Genius loci: Landschaft, Lebensraum, Baukunst. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. 215 s.
25. *O'Loughlin J.* Spatial Analysis in Political Geography // A Companion to Political Geography / J. Agnew, K. Mitchell, G. Toal (eds.). Malden, MA: Blackwell, 2003. P. 30–46. https://doi.org/10.1002/9780470998946.
26. *Schatz E.* When Capital Cities Move: The Political Geography of Nation and State Building // Kellogg Institute for International Studies. Working Paper No. 303 (February 2003). URL: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/303.pdf (accessed 12.07.2022).
27. *Schleicher D.* Welcome to New Columbia: The Fiscal, Economic and Political Consequences of Statehood for D.C. // William and Mary Bill of Rights Journal. 2014. Vol. 23. No. 1. P. 89–104.
28. *Swainson W.* New Zealand and Its Colonization. London: Smith, Elder and Co., 1859. 416 p.
29. *Therborn G.* Why and How Place Matters // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / R. E. Goodin, C. Tilly (eds.). London, New York, NY: Oxford University Press, 2006. P. 509–533. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0027.
30. *UN-HABITAT.* State of the World's Cities 2008/2009 — Harmonious Cities. Nairobi: UN-HABITAT, London: Earthscan, 2008. 259 p. https://doi.org/10.4324/9781849772624.
31. *Weber M.* The City. New York, NY: The Free Press, 1966. 242 p.
32. *Wetzstein S.* Managing for a Prosperous Auckland? Critical Reflections on Regional Interventions for Growing New Zealand's Economic Centre // Sustaining Regions. 2007. Vol. 6. No. 1. P. 28–49.

References

1. Gottman Zh. (2013), Capital Cities, *Logos,* vol. 23, no. 4, pp. 15–38. (In Russ.).
2. Malakhovsky K. V. (1981), *History of New Zealand*, Moscow, Nauka, 239 p. (In Russ.).
3. Okunev I. Yu. (2016), Capital's Typology and Coefficient of State's Capitalness, *Regional'nye Issledovaniya*, no. 3, pp. 32–39. (In Russ.).
4. Okunev I. Yu. (2018), Capital City as Center of the Political and Administrative Structure of the State: Typology and Functions, *Development Policies, State and World Order: Proceedings of VIII All-Russian Congress of Political Scientists*, eds. Gaman-Golutvina O. V., Smorgunov L. V., Timofeeva L. N., Moscow, Aspect Press, pp. 393–394. (In Russ.).
5. Okunev I. Yu. (2020), *Capital Cities in Mirror of Critical Geopolitics*, 2nd ed., Moscow, Aspect Press, 272 p. (In Russ.).
6. Okunev I. Yu. et al. (2020), *Atlas of International Relations: Spatial Analysis of World Development Indicators*, Moscow, Aspect Press, 447 p. (In Russ.).
7. Rogachev S. V. (2006), *Course Materials "Understanding of Maps Lessons (Basics of Spatial Analysis)": Lectures 1–4. Lectures 5–8*, Moscow, Pedagogichesky Universitet "Pervoe Sentyabrya", 60+56 p. (In Russ.).
8. Rossman V. (2013), *Capital Cities: Variety and the Patterns of Development and Relocation*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 336 p. (In Russ.).
9. Tarkhov S. A. (2007), Capital Cities, *Geographiya*, no. 3, pp. 27–35. (In Russ.).
10. Turovsky R. F. (2006), *Political Regional Science*, Moscow, Izdatel'sky Dom GU-VShE, 780 p. (In Russ.).
11. Argenbright R. (2013), Moscow on the Rise: From Primate City to Megaregion, *Geographical Review*, vol. 103, no. 1, pp. 20–36. https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2013.00184.x.
12. Bratman E. (2011), Development's Paradox: is Washington DC a Third World City?, *Third World Quarterly*, vol. 32, no. 9, pp. 1541–1556. https://doi.org/10.1080/01436597.2011.620349.
13. Casey E. C. (1997), *The Fate of Place: A Philosophical History*, Berkeley, CA, University of California Press, 488 p.
14. Cheh M. M. (2014), Theories of Representation: For the District of Columbia, Only Statehood Will Do, *William and Mary Bill of Rights Journal*, vol. 23, no. 1, pp. 65–87.
15. Garg A. (2007), A Capital Idea: Legislation to Give the District of Columbia a Vote in the House of Representatives, *Columbia Journal of Law and Social Problems*, vol. 41, no. 1, pp. 1–51.

16. Giddens A. (1994), *The Constitution of Society*, Cambridge, Polity Press, 402 p.
17. Hunt C. (2009), Banking Crises in New Zealand — an Historical Perspective, *Reserve Bank of New Zealand: Bulletin,* vol. 72, no. 4, pp. 26–41.
18. Jefferson M. (1939), The Law of the Primate City, *Geographical Review,* vol. 29, no. 2, pp. 226–232. https://doi.org/10.2307/209944.
19. Lavrenova O. (2019), *Spaces and Meanings. Semantics of the Cultural Landscapes*, Cham, Springer, 216 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-15168-3.
20. Linke A. M., O'Loughlin J. (2015), Spatial Analysis, *The Wiley Blackwell Companion to Political Geography*, eds. Agnew J., Mamadouh V., Secor A., Sharp J., Malden, MA, Wiley-Blackwell, pp. 189–205. https://doi.org/10.1002/9781118725771.ch15.
21. Madison J. (1864), (XLIII) The Same View Continued, *The Federalist. A Commentary on the Constitution the United States. A collection of Essays, by Alexander Hamilton, Jay and Madison. Also the Continentalist and Other Papers, by Hamilton,* ed. Hamilton J. C., Philadelphia, PA, J. B. Lippincott & Co., pp. 338–348.
22. de Maistre J. (1974), *Considerations on France*, London, Montreal, McGill-Queen's University Press, 212 p.
23. Meyer W. B. (2019), Urban Primacy before Mark Jefferson, *Geographical Review*, vol. 109, no. 1, pp. 131–145. https://doi.org/10.1111/gere.12308.
24. Norberg-Schulz C. (1982), *Genius loci: Landschaft, Lebensraum, Baukunst*, Stuttgart, Klett-Cotta, 215 s. [Norberg-Schulz C. (1982), *Genius loci: Landscape, Habitat, Architecture*, Stuttgart, Klett-Cotta, 215 p.]. (In German).
25. O'Loughlin J. (2003), Spatial Analysis in Political Geography, *A Companion to Political Geography*, eds. Agnew J., Mitchell K., Toal G., Malden, MA, Blackwell, pp. 30–46. https://doi.org/10.1002/9780470998946.
26. Schatz E. (2003), When Capital Cities Move: The Political Geography of Nation and State Building. Notre Dame, IN: Kelogg Institute for International Studies. Working Paper No. 303 (February 2003). URL: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/303.pdf (accessed 12.07.2022).
27. Schleicher D. (2014), Welcome to New Columbia: The Fiscal, Economic and Political Consequences of Statehood for D.C., *William and Mary Bill of Rights Journal*, vol. 23, no. 1, pp. 89–104.
28. Swainson W. (1859), *New Zealand and Its Colonization*, London, Smith, Elder and Co., 416 p.
29. Therborn G. (2006), Why and How Place Matters, *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*, eds. Goodin R. E., Tilly C., London, New York, NY, Oxford University Press, pp. 509–533. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0027.
30. UN-HABITAT. (2008), *State of the World's Cities 2008/2009 — Harmonious Cities*. Nairobi, UN-HABITAT; London, Earthscan, 259 p. https://doi.org/10.4324/9781849772624.
31. Weber M. (1966), *The City*, New York, NY, The Free Press, 242 p.
32. Wetzstein S. (2007), Managing for a Prosperous Auckland? Critical Reflections on Regional Interventions for Growing New Zealand's Economic Centre, *Sustaining Regions,* vol. 6, no. 1, pp. 28–49.

Сведения об авторах

Окунев Игорь Юрьевич — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России, г. Москва, Россия.

E-mail: iokunev@mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-3292-9829
Scopus Author ID: 56433053800

Остапенко Герман Игоревич — бакалавр политологии, эксперт Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России, г. Москва, Россия.

E-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-3767-8662
Scopus Author ID: 57223287525

About the authors

Dr **Igor Okunev**, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.
E-mail: iokunev@mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-3292-9829
Scopus Author ID: 56433053800

German Ostapenko, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.
E-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-3767-8662
Scopus Author ID: 57223287525

Поступила в редакцию 16.07.2022 г.
Поступила после доработки 28.08.2022 г.
Статья принята к публикации 09.09.2022 г.

Received 16.07.2022.
Received in revised form 28.08.2022.
Accepted 09.09.2022.